

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-1.42>

Табернилья-Басабе Алина Эусебиовна

СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИЛЛОКУТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛОЖНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Данная статья посвящена изучению феномена лжи и ложных высказываний. Рассматриваются с лингвистической точки зрения ложь и обман. Анализируется роль коммуникативно-прагматического пространства, в рамках которого осуществляются ложные высказывания. В центре внимания автора - способы реализации иллокутивного потенциала ложных высказываний в коммуникативном акте. Основное внимание в работе акцентируется на различных аспектах феномена лжи и обмана, а также на проблеме выявления условий успешной реализации лжи в коммуникации. Содержание исследования составляется на материале французского языка, а в качестве источника примеров используется художественное произведение Жана-Кристофа Гранже "Полет аистов".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2018/4-1/42.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2018. № 4(82). Ч. 1. С. 181-184. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2018/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

TYPES OF INFERENCE IN THE DISCOURSE

Suvorova Elena Vladimirovna, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Nosov Magnitogorsk State Technical University
suvorlen@yandex.ru

The article provides a survey of the modern Russian and foreign scientific researches in the sphere of inference and discourse. The author focuses on discussing and analyzing the existing inference classifications with a view to evaluate their universality and to propose her own classification of inference types on the basis of more universal criteria of speech cogitation not associated with a certain product of speech activity. According to the author, such mental operations as comparison, framing, integration, elimination, deduction and induction may serve as a basis to identify the appropriate types of inference. The paper provides a survey of these operations in relation to different utterances and concludes whether these types of mental operations can be considered as a basis of different types of inference.

Key words and phrases: inference; types of inference; cogitation; mental operations; discourse.

УДК 811.13

Дата поступления рукописи: 28.01.2018

<https://doi.org/10.30853/filmnauki.2018-4-1.42>

Данная статья посвящена изучению феномена лжи и ложных высказываний. Рассматриваются с лингвистической точки зрения ложь и обман. Анализируется роль коммуникативно-прагматического пространства, в рамках которого осуществляются ложные высказывания. В центре внимания автора – способы реализации иллокутивного потенциала ложных высказываний в коммуникативном акте. Основное внимание в работе акцентируется на различных аспектах феномена лжи и обмана, а также на проблеме выявления условий успешной реализации лжи в коммуникации. Содержание исследования составляется на материале французского языка, а в качестве источника примеров используется художественное произведение Жана-Кристофа Гранже «Полет аистов».

Ключевые слова и фразы: ложь; обман; ложное высказывание; иллокутивность; иллокутивный потенциал.

Табернилья-Басабе Алина Эусебиовна

Московский городской педагогический университет
lesamedi@mail.ru

СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ ИЛЛОКУТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛОЖНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

В научных исследованиях отечественных и зарубежных лингвистов XX-XXI вв. большое внимание уделяется изучению такого широко распространённого коммуникативного явления, как ложное высказывание. Много в современной жизни человека оценивается с позиции истины и лжи. В изучении этого феномена заинтересованы не только лингвисты, но и другие ученые, которые в процессе своей профессиональной деятельности так или иначе сталкиваются с разоблачением обмана. Необходимо отметить, что ложь – это феномен коммуникативного, информационного, социального и личностного порядка.

Социальный интерес к исследованию наиболее эффективных структур, которые делают возможной успешность коммуникации, очень высок. Таким образом, актуальность этого вопроса обеспечивается ролью, которую играет в повседневной жизни необходимость использования лжи и обмана для того, чтобы быть уверенным в том, что человек может заставить собеседника думать определенным образом, выгодным для говорящего. В данной статье предпринимается попытка проанализировать роль коммуникативно-прагматического пространства, в рамках которого осуществляются ложные высказывания.

В процессе коммуникативного взаимодействия коммуниканты являются представителями определенной социальной среды, находясь в определенных социальных условиях, когда они вынуждены подчиняться правилам и нормам поведения, принятым в данной среде, то есть вынуждены носить своего рода общественную маску. Общество предъявляет определенные требования к своим членам, учитывая возрастные и индивидуальные особенности. Когда люди что-то говорят, они тем самым совершают социальные действия, конкретные свойства которых определяются языковыми средствами созданного ими высказывания, его построением, стилистическими особенностями и т.п.

Большое значение при исследовании этих понятий имеют работы П. Грайса, который назвал основным признаком общения «принцип кооперации» [2]. Правилами успешного коммуникативного взаимодействия подразумевается, что говорящий, вступая в речевой акт и в процесс общения в целом, соглашается соблюдать эти принципы и, следовательно, собеседник ожидает этого от него.

Следовательно, обмен информацией есть процесс социальной деятельности и межличностного взаимодействия, отражающего особенности различных социально-деятельностных контекстов и намерений коммуникантов. С этой точки зрения социальный и личностный аспекты лжи во многом связаны с сохранением или повышением социального статуса говорящего в глазах собеседника путем умышленного искажения реально-го положения дел.

Объектами лингвистического аспекта теории коммуникации являются различные типы коммуникации. А общение, коммуникация, речевая деятельность, информация, информационный обмен и коммуникативное пространство выступают как базовые понятия. Вступая в процесс коммуникации, говорящий создает вокруг себя коммуникативно-прагматическое пространство, включающее как минимум двух коммуникантов – говорящего и собеседника, которые выполняют определенные роли. Современные ученые уделяют большое внимание проблеме роли человека в языковой ситуации. Говорящий устанавливает коммуникацию, однако именно от реакции собеседника зависит успешность взаимодействия. Оппозиция «адресант – адресат» характеризует взаимосвязь их реплик – стимула и реакции.

Коммуникативная деятельность непосредственным образом связана с обменом информацией. В процессе общения людей информация движется по направлению друг к другу; она формируется, уточняется с учётом ориентированности на партнёра. Кроме того, в процессе обмена информацией происходит коммуникативное воздействие на поведение партнёра. Коммуникативное влияние как результат обмена информацией проявляется лишь тогда, когда адресант, направляющий информацию, и адресат, принимающий её, обладают единой, согласованной системой кодирования и декодирования сообщений [1, с. 19].

Важным компонентом коммуникативного пространства является предмет речи, то есть та ситуация, которая побуждает говорящего к высказыванию, – говорящий может стремиться к его изменению или, напротив, к сохранению – и в этом заключается его практическая цель, которая лежит в основе коммуникативного намерения [7, с. 38].

Объектом данного исследования является речевая коммуникация в художественном тексте, которая представляет собой особое коммуникативное действие, которое характеризуется собственной структурой, а также своеобразным типом дискурса – неискренним, – который, в свою очередь, представляет собой организованный поток речи говорящего-собеседника, и его задачей является обеспечение результативного воздействия и достижения поставленных целей.

Таким образом, коммуникативный аспект в понимании феномена лжи заключается в наличии адресата, которого говорящий имеет намерение ввести в заблуждение, что и определяет специфику коммуникативного взаимодействия, включающего ложное сообщение. Информационный аспект лжи определяется тем, что говорящий пытается скрыть информацию о каком-то событии или преднамеренно искажает факты действительности с целью создания у собеседника мнения или знания, которое сам говорящий считает ложным. Адресант сознательно создает ложное представление о действительности у собеседника, т.е. действует умышленно, дает ложную информацию, не раскрывая своих намерений.

В самом общем виде понятия *ложь*, *обман*, *неправда* могут рассматриваться как синонимы. Например, как это выражено в следующих определениях:

- «ЛОЖЬ, ж. Намеренное искажение истины, неправда, обман. Уличить во лжи.
- ОБМАН, м. 1. см. обмануть. 2. То же, что ложь. Пойти на о. (решиться солгать). 3. Ложное представление о чем-н., заблуждение.
- НЕПРАВДА, ж. 1. То же, что ложь. 2. Неверно, не соответствует действительности» [5].

Осмысление и классификация таких социально-психологических феноменов, как *ложь*, *обман* и *неправда*, необходимо разграничить в зависимости от подхода.

Специалист в области психологии понимания правдивости/ложности высказывания В. В. Знаков считает, что понятия *ложь/обман/неправда* необходимо разделять. Ученый исходит из того, что обман – категория более широкая, чем неправда и ложь. *Неправда*, по мнению ученого, может выступать как вербальный эквивалент заблуждения, которое не следует отождествлять с ложью по указанным далее причинам. *Ложь* как часть речевого акта, которую производят определенным способом – лингвистическим или же паралингвистическим, подразумевает сознательную интенцию говорящего ввести собеседника в заблуждение. *Обман* определяется наличием в самой сути феномена фактора успешности и эффективной реализации цели говорящего, его применяющего. Необходимо провести четкое отличие между этими понятиями, так как обман является сознательным стремлением создать у собеседника ложное представление о действительности при условии, что никаких прямых искажений истины в коммуникативном акте не указано. Обманутый собеседник является несознательным соучастником обмана. Таким образом, можно сделать вывод, что обман предполагает взаимодействие, в основе которого лежит стремление скрыть правду. А *ложь*, в свою очередь, – умышленное введение в заблуждение других людей и искажение истины [4, с. 255].

Учитывая исследования П. Грайса [2] и его максимы, можно предположить, что открытое намерение нарушения принципов общения говорящим – это определенный знак для собеседника, что говорящий пытается скрыть свою интенцию. Единственным способом скоординировать свое сообщение с выполнением максим является логичное предположение, что у говорящего имеется желание сообщить дополнительное сообщение, помимо основного высказывания.

Специалисты, работающие с полиграфами по программе «детектор лжи», отмечают, что неправда и обман формируются при недостатке информации в сообщении говорящего, однако неправда отличается от обмана тем, что говорящий не скрывает истину и не имеет никаких дополнительных интенций помимо передачи сообщения, содержащего неполную (или искаженную) информацию. Неправда – это высказывание, основанное на искреннем заблуждении говорящего или на его неполном знании того, о чем он говорит [8].

Феномен обмана по-разному проявляется в языке. Данное исследование выполнено на материале французского языка. Проанализировав языковые выражения, связанные с обманом в русском и французском языке, можно сделать вывод, что они характеризуются высокой степенью экспрессии. Несмотря на то, что ни *ложь*,

ни обман не являются эмоциями, тем не менее эти понятия тесно связаны с ними: в русском языке можно встретить такие выражения как *врать/лгать/обманывать спокойно, уверенно, вяло* и т.д. Ложное сообщение, так или иначе, связано с выражением эмоций, особенно спонтанное. Это выражается в речевом поведении говорящего и говорит собеседнику о произнесении лжи/неискренности, позволяя зафиксировать обманное поведение. Также установлено, что ситуацию обмана/неискренности эмоций можно распознать при описании неконгруэнтности – так называемого несоответствия вербального сообщения и невербального поведения. Доказательством значимости этого явления является разнообразие оттенков значений, используемых в лексике со значением «обман» во французском языке: в глаголах *tromper* (обманывать, обмануть), *mentir* (лгать, врать), в существительных *tromperie* (обман), *mensonge* (ложь) и в прочих выражениях, отражающих семантическую сторону феномена.

Проведенные в области прагматики исследования [10] позволили выделить, по крайней мере, четыре необходимых условия, реализация которых обеспечивает успешность феномена лжи в коммуникативном процессе.

Во-первых, необходимо, чтобы говорящий сделал утверждение (условие утверждения). Согласно первому условию, следует создать утверждение, для чего, в свою очередь, можно использовать язык. Утверждение, включающее в себя элементы иронии или сообщение, являющееся частью шутки, также считается утверждением. Этот тезис нужно отличать от условия, необходимого для успешности лжи, а именно от условия, что утверждение будет сделано. Это условие не является обязательным для лжи в соответствии с ее определением.

Во-вторых, утверждение должно быть неискренним (условие неискренности). Согласно условию неискренности, утверждение говорящего должно быть ложным, то есть говорящий сам должен считать свое сообщение неискренним. Неискренние утверждения также могут быть правдой. Если говорящий делает искреннее заявление с целью ввести в заблуждение собеседника, тогда он не обманывает, в соответствии с условием неискренности. Настоящий обман отчетливо выделяется на фоне невольной ошибки, хотя оба понятия имеют, как следствие, неверное представление действительности у воспринимающего информацию участника коммуникации. Говорящий, успешно убедивший собеседника в достоверности своей информации, в ее истинности, в то же время может принять за истину собственное суждение, основанное на ощущениях, предположении или догадке, без какого-либо факта или объективного основания. В такой ситуации следует употребить немного другое выражение – «говорящий невольно ввел собеседника в заблуждение».

В-третьих, неискреннее утверждение должно быть адресовано кому-либо (условие адресата). Условие адресата подразумевает, что говорящий обращается к другому лицу. Ложь обязательно включает в себя кого-то, кто воспринимает сообщение говорящего и формирует убеждение на этой основе. Невозможно лгать тем, кто не является человеком, или лицам, которые не могут понять утверждение, (дети или те, кто не может понять язык говорящего).

И наконец, важно, чтобы говорящий имел намерение обмануть адресата, т.е. убедить собеседника в том, что неискреннее утверждение является истиной (условие намерения). В соответствии с условием намерения обмануть адресата говорящему необходимо сделать ложное заявление с намерением, чтобы собеседник считал истинным утверждение, являющееся ложью. Если говорящий, делая неискреннее утверждение, не имеет намерения убедить собеседника, что ложное сообщение – правда, то говорящий не лжет, согласно перечисленным условиям.

Рассмотрим пример применения данных условий в речевой ситуации. В следующем отрывке приведен разговор инспектора полиции и свидетеля. Первый пытается установить личность собеседника в связи со смертью одного из ключевых персонажей сюжета, а второй пытается солгать, чтобы избежать подозрений, касающихся его причастности к преступлению.

L'inspecteur nota mon adresse avec précision.

– *Vous connaissiez Max Bôhm depuis longtemps?* – *Non.*

– *Quelle était la nature de vos relations?*

Je décidai de mentir:

– *Je suis ornithologue amateur. Nous avons prévu, lui et moi, d'organiser un programme éducatif sur différents oiseaux* [9, p. 20]. /

Инспектор тщательно записал мой адрес.

– *Вы давно знакомы с Максом Бёмом?* – *Нет.*

– *Какого рода отношения вас связывали?*

Я решил соврать.

– *Я орнитолог-любитель. Мы с ним планировали запустить образовательную программу о птицах* [3, с. 20].

– *Quelle était la véritable raison de votre visite à Max Bôhm?*

– *Je vous ai tout dit cette nuit.*

– *Vous avez menti. J'ai vérifié quelques éléments. J'ai la preuve que vos propos sont faux* [9, p. 31]. /

– *Какова истинная цель вашего появления у Макса Бёма?*

– *Я вам все уже рассказал сегодня ночью.*

– *Вы солгали. Я проверил некоторые детали. У меня появились доказательства, что вы говорили неправду* [3, с. 32].

Говорящий (свидетель), от лица которого ведется повествование, делает утверждение, согласно первому условию, что, в свою очередь, является отправной точкой для его обмана. Это утверждение является ложным, в соответствии с условием неискренности. Говорящий принимает сознательное решение солгать, а значит, мы можем исключить возможность введения в заблуждение (основываясь на интенции говорящего, его умышленном

выборе и вере в то, что его утверждение является неискренним). Ложное сообщение свидетеля обращено к инспектору, его собеседнику – следовательно, у его обмана есть адресат, и третье условие также соблюдено.

Анализ приведенных отрывков позволяет рассмотреть свидетеля как коммуникативную личность. Под этим термином понимается личность, адекватно осуществляющая коммуникативный акт, а также способная порождать и эффективно передавать дискурс по коммуникативному каналу и получать дискурс реагирования [6].

Обман свидетеля основывается на ложных высказываниях в его дискурсе. Читатель может выявить ложь, потому что произведение написано от первого лица (говорящего). Для инспектора в то же время дискурс говорящего кажется правдоподобным до момента верификации информации, которую говорящий инспектору предоставляет.

Таким образом, в приведенных примерах говорящий сообщает собеседнику информацию с определенной интенцией, чтобы у него возникло ложное убеждение. Этот пример обмана вполне соответствует предыдущим выводам, ведь концепт обмана состоит в том, что восприятие информации обманываемого человека включает в себе гипотезу об искренности человека, сообщаемого ему эту информацию. Если мы не чувствуем неискренности в словах собеседника и у нас изначально нет причин предполагать, что сказанное – ложь, мы думаем, что он говорит нам правду. При условии, что нет оснований предполагать обратное (предполагать, что человек неискренен), мы определяем утверждение говорящего как истину. Это то, от чего мы отталкиваемся, когда дифференцируем понятия обмана и манипуляции, – мы, как и обманываемый человек, убеждены, что нам говорят правду.

В целом можно сделать вывод, что при рассмотрении феномена лжи и обмана, прежде всего, необходимо разграничить понятия лжи и обмана, так как для того, чтобы выявить ситуацию обмана в тексте, необходимо учитывать, что этот феномен подразумевает успешную реализацию цели говорящего ввести в заблуждение собеседника. Обнаруженные особенности ложных высказываний позволяют сформировать более ясное понимание особенностей функционирования подобных явлений в речи и языке в целом. Неоспорима важность роли коммуникативного и информационного аспектов рассматриваемого феномена, без учета которых невозможно выявить определенные закономерности и механизмы в ситуациях общения, включающих в себя ложное сообщение. Однако, ориентируясь на определенные условия, возможно выявить обман говорящего в ситуации, основываясь только на лингвистических факторах (соответственно, исключая возможность воспринимать жесты и мимику адресанта и другие особенности, возможные, например, при устной коммуникации).

Гипотезы рассмотрены и доказаны на материале французского языка, что также оставляет возможность для рассматривания этой проблемы с точки зрения других языков. Если рассмотреть понятия лжи и обмана в рамках теоретических знаний, которые предоставляет нам когнитивная прагматика, можно получить особую культурную модель, вычленив более глубокие аспекты этого феномена. Таким образом, предполагается большое пространство для более глубоко изучения этой проблемы и ее рассмотрения с точки зрения новых, не используемых ранее гипотез и предположений.

Список источников

1. Викулова Л. Г., Шарунов А. И. Основы теории коммуникации: практикум: учеб. пособие. М.: АСТ; Восток – Запад, 2008. 316 с.
2. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. 1985. № 16. С. 217-237.
3. Гранже Ж.-К. Полет аистов. СПб.: Азбука-Аттикус, 2016. 384 с.
4. Знаков В. В. Психология понимания правды. СПб.: Алетейя, 1999. 281 с.
5. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ozhegov.info/slovar/> (дата обращения: 17.01.2018).
6. Плотникова С. Н. Неискренний человек как удвоенная дискурсивная личность // Личность и модусы ее восприятия в языке: коллективная монография. Иркутск, 2008. С. 249-277.
7. Сусов И. П. Введение в языкознание: учеб. для студентов лингв. и филол. спец. М.: АСТ; Восток – Запад, 2007. 379 с.
8. Холодный Ю. И. Полиграфы («детекторы лжи») и безопасность: справочная информация и рекомендации. М.: Мир безопасности, 1998. 95 с.
9. Grange J.-C. Le vol de cigognes. P.: Edition Albin Michel S. A., 1994. 380 p.
10. Mahon J. E. The Definition of Lying and Deception [Электронный ресурс]. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/win2016/entries/lying-definition/> (дата обращения: 23.12.2017).

MEANS OF IMPLEMENTATION OF THE ILLOCUTIONARY POTENTIAL OF FALSE UTTERANCES (BASED ON THE MATERIAL OF THE FRENCH LANGUAGE)

Tabernil'ya-Basabe Alina Eusebiova
Moscow City University
lesamedi@mail.ru

The article is devoted to studying the phenomenon of lying and false utterances. Lying and deception are considered from the linguistic point of view. The author analyzes the role of the communicative-pragmatic space, within the framework of which false utterances are made. The study emphasizes the means to realize the illocutionary potential of false utterances in a communicative act. The main focus of the work is on various aspects of the phenomenon of lying and deception, as well as on the problem of identifying conditions for the successful implementation of lying in communication. The content of the research is compiled on the basis of the French language, and the work of Jean-Christophe Grange “Le Vol de Cigognes” (“Flight of the Storks”) is used as a source of examples.

Key words and phrases: lie; deception; false utterances; illocution; illocutionary potential.